

ОТ АВТОРА

О периоде репрессий и блокаде Ленинграда написано очень много, в том числе людьми, чьи жизни были опалены этой чудовищной трагедией. Но с каждым годом все меньше остается очевидцев, все сложнее нам воочию представить ужас тех дней, примерить хоть на миг на себя то, что было для наших отцов и дедов страшной повседневностью. Встречи со смертью, невыносимые физические и нравственные тяготы не сломили их дух. И наш долг — учиться у этих людей стойкости, никогда не забывая об их подвиге.

Мы не должны допустить, чтобы эта рана затянулась, чтобы эта боль утихла под гнетом проблем и тревог сегодняшних дней, чтобы душераздирающие рассказы о нашем относительно недавнем прошлом незаметно перешли в категорию «преданий», уже не способных вызвать комок в горле.

Непросто рассказывать о том, чего ты не пережил лично. И абсолютно невозможно полно-

стью раскрыть такую глобальную тему в одном произведении. Да это и не нужно. В этой книге я постарался описать события глазами ленинградского подростка, впоследствии ставшего моим отцом. Это попытка нарисовать картину по эскизам-эпизодам, которые живо виделись мне во время его рассказов.

Пусть прочитанное заставит каждого еще раз задуматься об истинных ценностях и спросить себя: а хватило бы ему мужества пережить такое?

*Памяти жертв репрессий
и всех павших в блокадные дни*

ГЛАВА 1

Петя осторожно раздвинул кусты и замер, всматриваясь в зелень листвы. Кузнечик стрекотал где-то совсем рядом, но оставался неразличимым в ветвях сирени. Неожиданно стрекот оборвался — насекомое почуяло опасность. И в тот же миг Петя увидел свою цель. Кузнечик выжидающе смотрел на человека выпуклыми капельками глаз, настороженно поводя усиками. Затаив дыхание, Петя выбросил руку и ловко ухватил насекомое за спинку. Это был крупный экземпляр, такие этим летом еще не попадались. Петя быстро упрятал добычу в заготовленную жестяную коробочку из-под зубного порошка «Пионер» и двинулся вдоль кустов. Хорошо бы поймать еще штуки четыре! Ведь сегодня на дачу приедет из города папа, и они пойдут на речку ловить язей. А какая наживка может быть лучше кузнечика?

— Петя! Завтракать! — послышался строгий голос матери. Петя неохотно развернулся

и заспешил к дому, сияющему в лучах утреннего солнца свежей ярко-желтой краской.

Завтрак был накрыт на просторной веранде. Мать, статная сорокалетняя шатенка, курила папиросу, опершись о белые перила.

— Ты опять там по кустам ползаешь? Я вот отцу скажу, чтобы прекратил это все. Бог знает, какую заразу можно подцепить от этой саранчи...

Петя поглубже задвинул в карман жестянку с кузнечиком и пошел мыть руки. Ему весной исполнилось семь. Лето тридцать седьмого на даче у станции Сиверская, в полутора часах езды к югу от Ленинграда, было очередным летом беззаботного детства, наполненного приключениями и открытиями, в окружении заботливых и любящих родных. В школу принимали только с восьми, и до этого нового периода жизни оставалось по детским меркам еще необозримо долго.

Домработница, пухленькая и жизнерадостная финка Мария, внесла на веранду небольшой самовар, попыхивающий паром. Все звали ее Марусей, она служила у родителей еще с Гражданской. Кроме общих забот по хозяйству, сначала нянчилась с Петинной сестрой Галиной, которая была старше на десять лет, а теперь помогала маме и бабушке управляться с непоседливым Петром.

На завтрак по обыкновению был свежий деревенский творог со сметаной и яйца всмятку. А к чаю — бутерброды с сыром и варенье из

черной смородины. Пете все это уже изрядно надоело, и он по-своему разнообразил утреннюю трапезу. То прятал отварное яйцо в сахарницу, и Маруся изумлялась, как она могла просчитаться, то подбрасывал свою персональную серебряную ложечку так, чтобы та упала в траву, и потом нарочито долго искал ее там под укоризненные замечания матери и бабушки. Но сегодня «выкидывать номера», по выражению сестры, времени не было. Ведь вот-вот придет отец, а для намеченной рыбалки еще кое-чего не хватает! Поэтому Петя молча поглощал приевшийся творог в компании бабушки, Галины и Маруси.

Мать к столу так и не села. Неподвижно стояла, опустив руки на перила веранды, в ее позе ощущалась странная напряженность.

— Настенька, а ты-то что же?.. — удивленно повернулась от стола бабушка. — Чайку бы хоть...

— Я потом, с Сергеем выпью, — мать даже не обернулась, не сводя глаз с просвета между высоких берез, через который просматривался кусочек железной дороги.

Петя тоже посматривал в ту сторону, ленинградский поезд должен был уже вот-вот показаться. Наскоро заглотив чашку чая, обтер салфеткой варенье со щеки и выскользнул из-за стола, на ходу крикнув «спасибо». Он уже подкрадывался к очередной беспечно стрекочущей жертве, когда

послышался гудок приближающегося к станции паровоза. Ура! Папа приехал!

От станции до дачи было минут пятнадцать ходьбы. За это время Петя успел пополнить коробочку еще двумя кузнечиками и теперь нетерпеливо выглядывал из калитки на тропинку, ведущую к центру поселка. Наконец из-за поворота показалась мужская фигура. Петя всмотрелся, и на смену радости пришло удивление. Это был не отец, а мамин младший брат дядя Коля — Петя безошибочно узнал его по характерной прихрамывающей походке: дядя Коля был инвалидом с детства. На дачу он приезжал редко, хотя и жил в городе в одной квартире с Петиной семьей. Причиной тому было пристрастие дяди Коли к спиртному, а мать не желала позориться перед соседями по даче, да и сама не выносила выпившего брата.

Петина мать была родом из Латвии. Эта строгая, ухоженная женщина всегда требовала соблюдения порядка и приличий, в первую очередь от своих детей — неизбежное следствие строгого воспитания в царской гимназии. После начала Первой мировой Анастасия переехала из уездного города на окраине Российской империи в Петербург и поступила на работу в финансовый отдел Адмиралтейских верфей. Но при том вела достаточно светский образ жизни. Молодая красавица, с хорошим образованием и выдающимися музыкальными способностями, она посе-

щала богемные петербургские собрания, была знакома со многими знаковыми личностями той эпохи — Распутиным, Шалапиным, Есениным, Маяковским. После революции устроилась делопроизводителем в Смольный, где общалась с верушкой тогдашней политической элиты. Там же познакомилась и с будущим мужем — красным комиссаром, героем Гражданской.

Отец, бывший офицер императорского флота, давно проникся большевистскими идеями и активно участвовал в подготовке октябрьского переворота. Получил партбилет из рук самого Ленина, руководил успешными операциями на полях Гражданской. Демобилизовавшись после ранения, сделал стремительную карьеру. Возглавлял Главное строительное управление Балтийского региона, был избран членом Петросовета, а последние шесть лет служил начальником отделения крупной государственной оборонной организации.

На свадьбу Сергей Васильевич получил в пользование роскошные восьмикомнатные апартаменты на Екатерингофском проспекте. Через год у них с Анастасией родилась дочь Галина. Но наслаждаться просторными хоромами суждено было недолго: повсеместно проводилась политика уплотнения. Когда с этим стало бороться сложно, отец позаботился о том, чтобы в квартиру подселили не каких-то неизвестных людей, а родственников. Так под одной крышей оказались больше

двадцати Петиных родных: в основном из Латвии и Москвы — с родины отца. Все жили дружно, а неоспоримым главой огромной семьи был Сергей Васильевич — энергичный, веселый, с громким голосом, не терпящий возражений, порой резкий, уважаемый государственный муж.

Дядя Коля шел очень быстро, к калитке он почти подбежал. Увидев Петю, неожиданно бросил на землю саквояж, присел и вместо приветствия порывисто и крепко обнял племянника. Петя вывернулся из объятий и непонимающе спросил:

— А где папа?

Дядя ничего не ответил и заспешил к дому, Петя еле поспевал за ним. Все это было очень странно.

Мать все так же стояла на веранде. Завидев брата, не проронила ни слова, лишь вжалась спиной в белые перила, и лицо ее стало таким же белым.

— Сергея арестовали. Сегодня в пять утра.

Мать вскрикнула и зажала себе рот. Дядя Коля обнял ее, сбивчиво забормотал:

— Может быть, все еще обойдется, это наверняка какая-то ошибка...

Пете показалось, что в голове у него разом оглушительно застрекотали тысячи кузнечиков. Он подбежал к взрослым и уткнулся лицом в полу дядино пиджака. В последнее время он уже не раз слышал слово «арест» — взрослые производили его полупшепотом и с таким выражением

лиц, словно речь шла о чьей-то смерти. Еще Петя знал о «врагах народа» — про них нередко говорили по радио, причем особенно суровым голосом. Пете они представлялись страшными существами, этакими Бармалеями, стремящимися порушить счастливую жизнь советских людей. А вот взрослые отчего-то произносили эти слова с совсем другой интонацией и обычно в связи с упоминанием об аресте. Но если арестовывают именно «врагов народа», при чем же тут папа?

Выбежали бабушка, Маруся и Галина. Они как-то все поняли без слов. Сестра закрыла руками лицо, бабушка схватилась за сердце и безвольно упала в плетеное кресло. Маруся сверкнула глазами и что-то тихо и зло пробормотала по-чухонски. Мать стояла как истукан, глядя в одну точку стеклянными глазами. Петя не выдержал и заплакал. Дядя Коля обнял его, достал папиросу.

— Паниковать не надо, но мы должны быть готовы к худшему. Я попробую через Егорова выяснить...

И оборвался на полуслове. Из висящей в углу террасы черной «тарелки» послышался треск, и вдруг оглушающе грянуло бравурное:

*По ленинским мудрым заветам
Нас партия к счастью ведет.
И сталинской думой согреты
Страна и советский народ!*

Галя подскочила и выдернула штепсель громкоговорителя. Едва сдерживая рыдания, выкрикнула дяде Коле в лицо:

— Вы же понимаете, что никто ничего не выяснит! И никакой ваш Егоров тут не поможет...

Она убежала в дом, громко хлопнув застекленной дверью. Дядя Коля тяжело опустился на стул и, сторбившись, закурил, глядя в кусты. Петя достал из кармана жестянку с кузнечиками, положил на перила и открыл. Заснувшие было насекомые зашевелились и один за другим выпрыгнули в траву. Петя проводил их взглядом, затуманенным слезами.

ГЛАВА 2

С дачи съехали на следующее утро. О том, чтобы воспользоваться служебной машиной Сергея Васильевича, конечно, и речи не было. Но помог брат отца, Василий Васильевич. Он занимал высокий партийный пост, отвечал за всю полиграфию в Ленинградской области. Его кабинет находился под самым «шариком» дома Зингера. Все домочадцы погрузились в полуторку с обтянутой кожей кабиной — такие начали выпускать совсем недавно — и молча двинулись в сторону города.

Огромная квартира казалась пустой. Все жильцы сидели по своим комнатам, и даже на кухне не было обычной суеты и громких разговоров. Лишь инвалид дядя Саша пил чай в своем уголке. Никто не вышел навстречу, не задал ни единого вопроса и даже не поздоровался. Все спрятались, как от проказы, как будто и не было никогда большой, дружной и веселой семьи, объединившейся вокруг могучего лидера, казавшего-

ся несокрушимым, способного с улыбкой решить любые проблемы.

Кабинет отца опечатан сургучной печатью, в общей большой комнате беспорядок, который мама никогда не допустила бы. Но сейчас она почему-то никак не реагирует на это. На стене висит отцовская балалайка, у него талант и по этой части. Петя забрался в старое кожаное кресло и погрузился в тревожные думы. Что же будет теперь с папой? Услышит ли Петя еще звуки его любимого инструмента, захватывающие рассказы о сражениях на Кавказе и в Средней Азии? Побывает ли еще когда-нибудь на даче, будет ли ходить за грибами и на рыбалку, купаться в Оредеже, запускать на поляне воздушных змеев и до позднего вечера играть со взрослыми в лото на веранде? Пойдут ли они еще в кинотеатр «Ударник» на проспекте Газа — смотреть любимый фильм про Чапаева?..

В доме стояла тишина, но не та благодатная тишина, которая бывала в часы послеобеденного отдыха, а зловещая, напряженная. Галя куда-то ушла, Маруся с бабушкой распаковывали привезенные с дачи узлы и коробки. Петя прошелся по длинному коридору: все двери плотно закрыты, из комнат не доносится ни звука, хотя там есть люди. Осторожно потянул дверь родительской спальни. Мать в строгом сером костюме сидела с ногами на кровати. По ее словно окаменевшему лицу беззвучно текли слезы. Петя никогда

не видел маму такой, это было по-настоящему страшно. В одно мгновение он оказался рядом с ней, прижался, уткнулся лицом в плечо и заплакал — так же тихо, будто за это могли наказать. И самым ужасным было то, что мать никак не отреагировала.

На следующий день Анастасия вновь выглядела как обычно — собранной, волевой и точно знающей, что и как делать. Только темные круги под глазами отчетливо говорили о бессонной ночи. Она несколько раз звонила куда-то по телефону, а потом надолго отлучилась. Приехала под вечер, выглядела очень усталой, но глаза сияли. С порога сказала бабушке:

— В прокуратуре разрешили свидание. Завтра в три.

С этого свидания с отцом, которое оказалось их последней встречей, мать пришла вся черная. Она едва держала себя в руках. Упала в комнате на стул, ее всю трясло. Маруся накапала чего-то в стакан, мать выпила, стуча зубами о стекло. Бабушка пыталась увести Петю, но тут мать заговорила — сбивчиво, борясь со спазмами в горле и не обращая на сына внимания:

— Он весь избит... Один глаз не видит, зубы... Они его без конца допрашивают, требуют каких-то признаний, что он английский шпион... Господи, какая чушь! Хотят, чтобы он что-то подписал, назвал какие-то фамилии, но он ничего не подписывает и молчит. Говорит, что это страш-

ная ошибка и скоро все выяснится, его отпустят, а этих следователей накажут...

Петя слушал эти ужасные слова и ничего не понимал. Кто смел поднять руку на отца, заслуженного героя, важного государственного служащего? За что? Ему было так страшно, как, пожалуй, никогда в жизни. Один вид матери внушал ужас. Наконец бабушка спохватилась и почти силой увела внука в другую комнату.

С того дня мать замкнулась в себе. Ни с кем не разговаривала, почти все время неподвижно сидела в спальне у окна и даже к обеду не выходила. Петя был на попечении бабушки и Маруси, тоже непривычно молчаливых. Сестра почти целые дни проводила вне дома — бесцельно бродила по улицам и паркам, сидела на скамейках. Соседи-родственники по-прежнему прятались по своим комнатам, а при неизбежной встрече на кухне фальшиво улыбались Пете и со словами вроде: «Все будет хорошо» — старались скорее удалиться. Больше никаких известий об отце в семье не получали. Дядя Вася, единственный человек, который мог бы хоть как-то помочь, поддержать, как в воду канул. Тягостно тянулись дни, наполненные тревогой и смятением.

За матерью пришли спустя две недели — под утро, в пятом часу. Петя крепко спал и не видел, как двое энкавэдэшников, грубо оттолкнув смертельно напуганную бабушку, бесцеремонно выворачивают на пол содержимое комода

и шкафа. И бросают стиснувшей зубы матери ее зимнее пальто с глумливым смехом: «Собирайтесь, дамочка! Это ненадолго, но зимние вещички понадобятся!»

Он не слышал криков сестры: «Оставьте маму, она ни в чем не виновата! А вы — просто сволочи!..» Не видел, как бабушка в ужасе зажимает ей рот.

Он не чувствовал, как мать нежно целует и обливает слезами его, спящего в кроватке, сделанной руками отца, которого к этому моменту уже не было в живых.

О судьбе Петиных родителей еще очень долго ничего не было известно. Анастасии дали восемь лет лагерей, максимальное наказание по статье «ЧСВР» — член семьи врага народа. А после — бессрочный запрет на проживание в крупных городах. Эта ссылка была отменена лишь после хрущевской реабилитации — в пятьдесят шестом году.

Первое письмо от матери пришло только спустя полтора года после ее ареста. А о том, что отца расстреляли на следующий день после его свидания с женой в застенках НКВД, стало достоверно известно лишь через двадцать лет — когда долго теплившаяся надежда на чудо уже окончательно растаяла.

ГЛАВА 3

После ареста матери ощущение изоляции еще усилилось. Соседи по-прежнему старались не попадаться на глаза, при случайных столкновениях на кухне или в коридоре стремились побыстрее убраться, будто от заразы. Через два дня после того, как забрали Анастасию, снова явились люди в синих галифе и принялись навешивать ярлыки с пломбами на все, что было в комнате родителей: пианино, мебель, шкаф со всей одеждой и даже на Петину кроватку — эти вещи предназначались для конфискации. О том, когда все это собираются вывезти, пока не сообщалось.

Галина решила жить в комнате с бабушкой, а Петя перебрался в родительскую спальню и спал там в одиночестве на большой кровати с прицепленной к никелированной спинке биркой «Подлежит изъятию». Василий Васильевич так и не появлялся и по домашнему телефону не отвечал. Бабушка уже начала подозревать худ-

шее, хотя дядя мог просто находиться в командировке. Обстановка была крайне гнетущей, и не покидало ощущение, что выпавшие на долю семьи беды еще не закончились.

Очень скоро обнаружилось, что небольшие мамины и бабушкины сбережения заканчиваются и вот-вот будет просто нечего есть. Галя этой весной закончила девятый класс, через год собиралась поступать в консерваторию. Но уже отчетливо понимала, что этим планам не суждено сбыться. Она стала предпринимать попытки найти хоть какую-то работу, но везде требовали справку из домкома и данные родителей. Узнав, что кандидат — «дочь врагов народа», все работодатели отшатывались, как от прокаженной. Наконец удалось устроиться разнорабочей на овощную базу, там не сильно обращали внимание на биографию, лишь предупредили: украдешь хоть одну морковку — сразу пойдешь вслед за родителями. Галя занималась переборкой овощей, приходила домой с очень грязными руками. Петя уже забыл, как звучит пианино... Жили на крохотную зарплату сестры и бабушкину мизерную пенсию. Маруся подрабатывала у соседей по дому разноской дров и стиркой.

Очередная беда не заставила себя ждать. Явился курьер НКВД и вручил бабушке предписание: все члены семьи арестованных врагов народа должны покинуть Ленинград в двухнедельный срок и переехать на определенное государствен-

ными органами место жительства — в Казахстан. Бабушка с Марусей обливались слезами, Галя вслух ругала власть страшными словами. И тут, видимо, поняв, что это та ситуация, когда нужно цепляться за любую соломинку — хуже уже не будет — бабушка предприняла отчаянный шаг. Неизвестно, кто ее надоумил, но она где-то отыскала адрес вдовы Ленина Надежды Крупской и отправила ей частное письмо с посыльным. Крупская до конца дней не утратила своего авторитета и слыла «народной заступницей» — могла помочь решить некоторые проблемы, хотя и не осмеливалась открыто конфликтовать со Сталиным.

Неизвестно, сыграло ли тут роль обстоятельство, что Петины родители в свое время были лично представлены супруге вождя мирового пролетариата, но не прошло и недели, как в квартиру ввалились те же двое ухарей в фуражках с красными околышами. Швырнули на стол копию предписания прокурора: «Оставить членов семьи арестованных врагов народа по месту жительства». С нескрываемой злобой сорвали ими же навешанные ярлыки о конфискации и удалились. После их ухода бабушка долго крестилась и плакала — на этот раз от счастья.

ГЛАВА 4

Дядя Вася появился неожиданно, примерно через месяц после ареста матери. В общем-то, он был в квартире брата нечастым гостем — не только из-за чрезвычайной загруженности на службе, но и из-за весьма натянутых взаимоотношений с невесткой. Анастасия порой не отличалась политкорректностью в суждениях, а особенно Василия Васильевича задевали высказывания о его браке. Дело в том, что брат Петиноного отца был женат на вдове, на двенадцать лет старше себя, но из известного аристократического рода и с изрядным наследством. И хотя Надежда Антоновна была по натуре простым и душевным человеком, а следила за собой так, что выглядела едва ли не моложе мужа — Петина мама откровенно называла дядю Васю альфонсом, на что тот справедливо обижался. Их брак был вполне романтическим, а в деньгах Василий Васильевич и так ничуть не нуждался.

Существуют две версии их знакомства. По одной, дело было на скачках, которые дядя Вася

обожал, а Надежда имела собственные конюшни и регулярно выставляла рысаков «в дело». По другой — на почве букинистических пристрастий. Как уже говорилось, Василий Васильевич руководил полиграфической отраслью в Ленинградском регионе, а у его супруги в приданом было одно из лучших в городе букинистических собраний — ее предки несколько поколений занимались книжным бизнесом.

Интересы «тети Нади», как она просила Петю называть себя, были весьма широки. В молодости, еще до революции, она имела успех в качестве модели — лучшие фотографы Европы, такие как Де Бор и Лоренс, приезжали в Петербург, чтобы сделать ее фото в стиле «ню» на фоне дворцов, в мехах и бриллиантах, на рысаках и с тиграми. Надежда никогда не делала из этой страницы своей биографии какой-либо тайны, что давало Анастасии повод вслух называть супругу дяди Васи развратницей. Разумеется, это не способствовало укреплению отношений между родственниками.

Закончив «Музыкально-драматические курсы Бориса Поллака», Надежда Антоновна с успехом участвовала в спектаклях Петербургской антрепризы. Накануне Первой мировой вышла замуж за поклонника таланта — полковника императорской армии, который погиб в первые же дни боевых действий. Во время войны Надежда получила еще медицинское образование, которое позволи-

ло ей некоторое время держать популярный массажный салон, его услугами пользовались известные жители Петербурга.

Родовое имение Наумовых в Псковской области незадолго до революции удалось удачно продать, и тетя Надя полностью погрузилась в столичную жизнь, стараясь получать от нее максимальное удовольствие. Это ей вполне удавалось. Она коллекционировала живопись, в домашнем собрании имелись полотна известных художников, в том числе Владимира Маковского, с которым Надежда Антоновна была хорошо знакома. Интересовалась оккультизмом, устраивала спиритические сеансы, восхищалась трудами Блаватской. Ее шикарная пятикомнатная квартира на Широкой улице была больше похожа на музей дореволюционной эпохи, наполненный старинными книгами, картинами и бесчисленными артефактами, где регулярно собиралась городская богема. После брака с дядей Васей Надежда Антоновна из светской львицы достаточно быстро превратилась в умелую гостеприимную домохозяйку, но многие аристократические замашки сохранила на всю жизнь.

Бабушка была несказанно рада приходу Василия Васильевича, а Галя встретила дядю настороженно. Она вообще относилась к нему достаточно прохладно — очевидно, под влиянием матери. А вот Петя дядю обожал, да и тот души в племяннике не чаял.

— Васенька, да где ж ты пропадал, милый? И к телефону не подходил... Мы уж всякого передушили. Ты знаешь ли, какая беда у нас?..

Дядя Вася приобнял бабушку, проводил до комнаты, усадил за стол и плотно прикрыл дверь.

— Все знаю, Мария Андреевна. Да, горе горькое... Эх, Серега, говорил я ему: держи язык за зубами. Нет, возьми и выступи на том собрании, где осуждали врага народа Тухачевского: не могу, говорит, поверить, что мой соратник и верный ленинец Миша организовал какой-то заговор. Все это ложь, а НКВД не тем занимается. Вот оно и аукнулось... А Настеньку-то как жалко, вот уж где невинная душа! И вы все, мои родные... Хорошо, хоть Надежда Константиновна по совести поступила.

Бабушка и Галя слушали с удивлением: откуда дядя Вася знает такие подробности? А обращение за помощью к Крупской держалось в семье в строгом секрете. Выходит, ему и об этом известно? И тут Галя вдруг выдала:

— А скажите, дядя Вася, отчего же за вами до сих пор не пришли? Вы ж самый близкий папин родственник. Вас тоже, получается, арестовать нужно?

— Галя!.. — Бабушка возмущенно всплеснула рукой.

Дядя Вася пристально посмотрел на племянницу, вздохнул.

— Понимаю вопрос... Темнить не буду. После ареста Сергея я принял непростое решение:

сам пошел в НКВД и написал заявление. Мол, узнав, что мой брат разоблачен как шпион и диверсант, с возмущением заявляю, что не желаю иметь ничего общего с этим затаившимся врагом народа и горячо поддерживаю принятые органами меры по его нейтрализации. И тому подобное... В общем, отрекся я от брата и еще НКВД поблагодарил за хорошую службу. На опережение сыграл, в общем. А телефон отключил на время, на всякий случай — пока не уляжется.

Бабушка смотрела на дядю Васю округлившимися глазами. Петя, присутствовавший при разговоре, почти ничего не понимал, но видел, как лицо сестры пошло красными пятнами.

— Да знаете ли, что вы просто предатель, дядя Вася?! — Галя вскочила в крайнем возбуждении, в глазах ее стояли слезы. Казалось, она сейчас вцепится дяде в горло.

Василий Васильевич смутился. Попытался приобнять племянницу, заговорил торопливо, полушепотом:

— Ты потом все поймешь, девочка: так было надо, чтобы всех вас спасти... Другого выхода не было. Кто бы стал вам помогать, если б меня арестовали? Кому от этого польза была бы, подумай?

Галина вывернулась из-под дядиной руки. Глаза ее сверкали. Еще раз выкрикнула срывающимся голосом: «Предатель!» — и выскочила из комнаты.

Некоторое время дядя Вася с бабушкой сидели молча. Василий Васильевич сопел, глядя в пол. Наконец бабушка положила руку ему на плечо и тихо проговорила:

— Я не виню тебя, Васенька. Наверное, ты прав. Сереже и Настеньке уже не сможешь, а деткам еще жить...

Дядя Вася достал из кармана пиджака и положил на стол толстый конверт.

— Мария Андреевна, здесь тысяча. Я буду помогать, как смогу. Но часто видется не получится, прошу понять.

Бабушка вспыхнула, засуетилась. Вертела конверт с огромными деньжищами, даже боясь открыть. Дядя Вася обнял ее, поцеловал Петю в макушку и поднялся. Бабушка сбивчиво бормотала благодарности и просила прощения за внучку. Василий Васильевич небрежно махнул рукой и удалился.

ГЛАВА 5

Прошло месяцев восемь с тех пор, как Петя в последний раз видел маму. О ее судьбе по-прежнему не было никаких сведений, так же, как и об отце. Бабушку обнадеживало только одно: дочери рекомендовали взять зимние вещи. Тех, кому однозначно светил расстрел, забирали в чем есть и не давали ни минуты на сборы.

Дядя Вася появлялся еще три или четыре раза, приносил разные суммы денег, что-то вкусненькое. Примерно раз в месяц звонил по телефону, выспрашивал у бабушки обстановку, нет ли нужды в чем-то. Петина сестра принципиально с дядей не общалась.

Так пережили зиму тридцать восьмого. Галя приходила с овощебазы вся замерзшая, грязная, валилась с ног от усталости. На бабушкины резоны, что, может быть, ей не стоит так надрываться теперь, когда есть помощь от дяди, а лучше подумать о продолжении учебы, лишь раздраженно огрызалась: «Не нужно мне его подачек!»

Отношения с соседями по квартире понемногу восстановились. Все поняли, что органы оставили Петину семью в покое, и за общение с ближайшими родными врагов народа никого не осудят. Но и близко к сердцу семейную трагедию не принимали. Через достаточно короткое время им уже, возможно, казалось, что Сергей Васильевич с супругой, благодаря которым все родственнички оказались в Ленинграде, тут и не проживали. Общаясь с бабушкой, соседи никогда не упоминали о ее дочери и зяте, и даже в разговорах между собой не называли их имен — будто старались как можно скорее стереть память о «неблагонадежных» связях.

Но в осиротевшей семье ощущение огромного горя не проходило. Семидесятидвухлетняя бабушка сильно сдала, почти все время пребывала в мрачном настроении и часто прикладывалась к пузырькам с сердечными каплями. Запах лекарств уже прочно пропитал их с Галиной комнату. Нервы у нее тоже стали совсем ничемными. Если возникал малейший конфликт с внуками, бабушка хватала кушак и бежала в ванную с криками: «Вот повешусь, тогда пожалеете меня, да поздно будет!..» Галя и Петя со слезами спешили за бабушкой и вцеплялись ей в рукава. Порой Мария Андреевна садилась у открытого окна и надолго впадала в оцепенение. Но если замечала проезжающий черный воронок, громко вскрикивала, захлопывала ок-

но, падала на кровать и сотрясалась в рыданиях. У Пети разрывалось сердце при виде всего этого.

Дядиными заботами маленькая семья жила в достатке, но без излишеств — впрочем, так было и при отце. Город тоже жил обычной жизнью, будто и не происходили каждую ночь исчезновения ни в чем не повинных людей. По утрам под окнами громыхал по мостовой фургон со свежим хлебом, из «тарелки» радиоприемника гремели бравурные марши и жизнерадостные песни. В соседнем «Ударнике» показывали новые картины, а на углу стояла тележка мороженщицы. У Пети никогда не было карманных денег, и на эти маленькие радости приходилось выпрашивать у бабушки. Бабушка вообще распоряжалась всеми финансами, включая зарплату Галины.

Состав жильцов квартиры потихоньку менялся. Маруся уже полгода назад покинула их и уехала куда-то в область к своим финским родственникам. Семья двоюродной сестры Петинной мамы завербовалась на Север, а вместо них въехали совершенно незнакомые люди: супруги с тремя детьми. Со старшим, Вовкой, Петя сблизился. Они вместе гуляли, ходили на комедии в «Ударник». Вовка научил Петю играть в шахматы.

У Петинной семьи распоряжением домкома отобрали большую гостиную и отцовский каби-

нет, оставили лишь комнату бабушки и бывшую спальню родителей, где теперь обосновался Петя. В гостиную вселилась шумная семья откуда-то с Урала, а в кабинет — странноватый эстонец по фамилии Тилло. Как выяснилось, это был один из разработчиков советского телевидения. Он запомнился обитателям квартиры нелепыми рассказами о том, что скоро в каждой семье будет возможность смотреть кино, не выходя из дома. Над Тилло открыто смеялись и называли «контуженым».

Самые теплые отношения Петя поддерживал с младшим сыном Марии Андреевны — тем самым дядей Колей, который в прошлом году принес трагическую весть на дачу. Это был добрейший, но слабохарактерный человек. С детских лет хромал после травмы, поэтому в армию его не призывали. Имел музыкальное образование, но карьеры на этом поприще не сделал, а довольствовался работой тапера в кинозалах немого фильма и питейных заведениях. В результате крепко подружился с зеленым змием.

Николай имел особую любовь к разнообразным творческим деятелям. Еженедельно случалось его братание с очередным непризнанным гением — где он их только вылавливал в таких количествах! Казалось, находящиеся в творческом кризисе личности толпами ходили по Ленинграду

от шалмана до шалмана исключительно в поисках дяди Коли. Знакомство неизменно завершалось полуночным стуком в прихожей, причем с парадного хода. Бабушка со вздохом отпирала, дядя вталкивал с лестницы очередного забулдыгу в длинном шарфе и помятой шляпе или с потухшей трубкой в зубах. И провозглашал, наполняя квартиру перегаром:

— Па-азвольте представить: известный художник, ныне страждущий — господин Глушков!

На следующей неделе это мог быть «великий композитор Ключнер» или «гениальный поэт Михайлюк». А то и оба разом, но все неизменно были «страждущими». Гости устраивались на кухне и долго вели разговоры «об искусстве». Выгнать их не было никакой возможности. Впрочем, гении обычно не слишком шумели.

Дядя Коля был женат на красавице Анечке, она работала бухгалтершей в какой-то солидной конторе, на ней держалось все хозяйство. Когда Николая выгнали с очередной работы, он ушел в запой и несколько дней спал на кухне на сундуке, не вникая укорам жильцов квартиры. В результате жена не выдержала и с маленькими детьми уехала к родственникам в Северодвинск. Дядя страшно переживал и все порывался уехать вслед за семьей, но в результате так и остался с матерью: он всегда был ее любимчиком. Совсем забросив игру на фортепиано, он устроился водо-

проводчиком в местный ЖЭК. Причем, несмотря на такую работу и пагубное пристрастие, все-таки оставался человеком, сохранившим интеллигентный облик и разносторонние интересы. Он мог подолгу говорить с Петей о книгах, музыке, рассказывал всякие смешные истории.

ГЛАВА 6

В очередной раз дядя Вася появился на майские праздники. Принес угощения, а для Пети, как всегда, — стопочку первоклассной типографской бумаги для рисования. Посидели за столом, и дядя неожиданно попросил бабушку отпустить племянника на лето в деревню, где они с женой сняли домик. Бабушка с радостью согласилась.

На дачу выехали в середине мая, на черной служебной «эмке» — Василий Васильевич продолжал успешно делать карьеру и к тому времени уже состоял членом обкома партии. У них с супругой было заведено проводить летний отдых порознь. Тетя Надя обожала русскую природу, а дядя Вася к этому был весьма равнодушен, но не мог года прожить, не поплескавшись в Черном море. Поэтому неработающая Надежда Антоновна на все лето забиралась в самую глушь Ленинградской области, где муж снимал ей обычный деревенский домик, а сам в течение своего корот-

кого отпуска расслаблялся в лучших санаториях на курортах Кавказа.

В этом году для слияния с природой было выбрано местечко неподалеку от станции Суйда, на берегу живописной речки с тем же названием. Домик был крохотный, но чистый и уютный. Хозяева, получив щедрый задаток, уехали к родственникам в соседнее село, так что Надежда Антоновна наслаждалась покоем по полной программе. Видимо, в русской глубинке она получала от жизни не меньшее удовольствие, чем в лучах столичных софитов в пору молодости.

Петя был весьма удивлен, когда увидел, что тетя привезла с собой на дачу. Это были предметы, неуместные в деревенской избе: шелковые портьеры, атласные подушечки, зеркало в причудливой резной раме, набор красивой старинной посуды, целый чемодан книг, большая коллекция духов, расписные веера и даже какая-то картина — видимо, без этих вещей жизнь представлялась тете Наде немыслимой. И еще гамак — этого приспособления Петя никогда раньше не видел, но вскоре по достоинству оценил.

Оказалось, тетя Надя придерживается методики спартанского воспитания. Она в категоричной форме требовала выполнения установленных ею же правил — впрочем, здесь она не сильно отличалась от Петинной мамы. Нужно было в точно установленное время вставать и ложиться спать, приходиться с улицы на обед и ужин; никогда не

спорить; есть, что дают, и всегда молча, быстро и до последней крошки; ежедневно читать указанное количество страниц выбранной тетей книги. И постоянно ходить в одних трусах, даже в прохладную погоду — таким способом тетя принуждала Петю «закаляться». За послушание наказывала: ставила в угол, запрещала ходить на речку, не давала есть, если опоздал к столу.

Особым испытанием для Пети было ходить вместе с тетей купаться. Выяснилось, что она убежденная приверженка натурализма — единения человека с природой, предполагающего отсутствие преград в виде одежды. На укромном речном пляжике Надежда Антоновна по мере возможности старалась полностью обнажаться и в таком виде принимала солнечные ванны. «Чувства стыда за свое тело у человека быть не должно», — постоянно повторяла она.

Впервые увидев голую женщину, Петя вместо любопытства испытал ужасный стыд и даже брезгливость. Он старался не смотреть на теткин оплывшее тело и делал вид, что они не вместе. Но не тут-то было! Тетка принялась требовать, чтобы и племянник разделся догола — сначала убеждала, а потом просто силой стянула с него трусики. Петя рыдал, прикрываясь руками, но тете была абсолютно чужда сентиментальность. Хорошо еще, что место, где они обычно купались, было практически безлюдным. Но иногда поблизости все-таки появлялись местные, и то-

гда Пете хотелось провалиться сквозь землю или утопиться. Однако многие из деревенских ребятишек сами купались голышом — и мальчишки и девчонки. К Петиному удивлению, они не видели в этом ничего особенного. Лишь порой хихикали, посматривая на тетю. Пете оставалось только смириться.

Иногда тетя Надя и по грибы отправлялась в чем мать родила, чем неимоверно шокировала случайных встречных. Петя с содроганием наблюдал, как от тетиных босых ног уворачиваются гадюки, которых в лесу встречалось множество. «А что их бояться, они же отползают, сам видишь», — хладнокровно рассуждала она.

Время отпуска дяди Васи приходилось обычно на август, а до той поры он приезжал на дачу примерно раз в две недели. Петя с нетерпением ждал этих визитов. Бездетный дядя, высокопоставленный чиновник, постоянно был отягощен грузом забот, и с лица его не сходило серьезное выражение. Но на даче с племянником он преоблажался, оттаивал душой.

Петя уже в прошлом году под руководством отца пристрастился к рыбалке. А здесь непуганой рыбы было просто невиданное количество! Местные пацаны ловили огромных щук, одну за другой, и даже без каких-то хитрых приманок. У Пети так горели глаза, что дядя в очередной раз привез ему из города удочку с приличными снастями. После чего Петя проводил на речке

почти целые дни, благо от дома до берега была всего сотня шагов, и часто возвращался с хорошим уловом. Тетя это крайне приветствовала, но никаких поблажек в расписании дня не делала, даже невзирая на отменный клев.

Из других ярких воспоминаний о Суйде в Петиной памяти осталась жестокая массовая драка между местными на Троицу, после которой в речке нашли утопленника.

ГЛАВА 7

Вскоре после возвращения с дачи Петя пошел в первый класс. В школу, находившуюся рядом с домом, его привел записываться дядя Коля. На вопрос завуча, а где же родители мальчика, сказал, проглотив ком в горле: «Родители арестованы органами НКВД...» Вопреки ожиданиям, пожилая завучиха, как и другие учителя впоследствии, отнеслась к Пете с большим сочувствием.

Учился Петя старательно. Хотел поскорее научиться бегло читать: дома имелась большая библиотека, и корешки книг так и манили проникнуть в сокрытые за ними потрясающие истории. А еще он очень любил рисовать, дядя Вася регулярно снабжал бумагой, картоном, карандашами и красками. Он все больше привязывался к Пете, стал приходить гораздо чаще. Порой приносил интересные подарки, так у Пети появился детский набор столярных и слесарных инструментов. Под руководством дяди Коли

Петя с увлечением осваивал азы «мужского ремесла».

В конце декабря тридцать восьмого неожиданно пришло письмо от матери. Это была первая весточка от нее и наилучший новогодний подарок. Анастасия писала, что находится в Магаданской области, живет в бараке на реке Колыме, работает в прачечной и по швейной части. Условия терпимые, но очень холодно. Бабушка заливалась слезами радости. Немедленно написали ответ. Теперь, когда Петя не слушался, бабушка грозила пожаловаться маме. Но письма приходили не чаще, чем раз в три месяца — видимо, таковы были ограничения, а может, просто не все доходили.

После окончания первого класса Петя вновь уехал с тетей Надей на дачу. Приглашали и Галину, но та наотрез отказалась, тем более что недавно ей удалось найти новую, довольно приличную работу на обувной фабрике «Скороход».

На этот раз Надежда Антоновна выбрала местом летнего отдыха деревню Сурики на берегу реки Мсты в Новгородской области. Местные шутили: «В деревне Сурики живут одни мазурики». Но народ здесь, напротив, был хороший, приветливый, а местность еще более живописная и дикая, чем в прошлогодней Суйде. Тетя Надя обожала русскую природу и невольно передала эту любовь и Пете.